

УДК 327.7, 005

Татьяна РОМАНОВА¹

УРОВНИ АНАЛИЗА КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ЭВОЛЮЦИИ ОТНОШЕНИЙ РОССИИ И ЕВРОСОЮЗА

Аннотация. Статья предлагает новый подход к исследованию отношений России и Европейского Союза, основанный на выделении уровней анализа. На основе категорий “уровень” и “уровни анализа” в теории международных отношений формулируются структурный, тематический и институциональный подходы к изучению эволюции международных связей различных акторов. Структурный подход в отношении России и ЕС предполагает выделение уровней личности, региона, государства, интеграционного объединения (ЕС или Евразийского экономического союза), а также международных организаций и глобальной системы. Тематически выделяются уровни долгосрочных, концептуальных целей и ценностей, длительных целей в конкретных сферах деятельности, а также их имплементации. Наконец, институциональные уровни анализа представлены межгосударственным/межправительственным, трансправительственным и транснациональным. Для каждого из трёх подходов выделяются теоретические предпосылки, определяется суть их уровней, а также демонстрируются те вопросы и аспекты отношений, которые они могут помочь исследовать.

Ключевые слова: уровни анализа, отношения России и ЕС, институты, трансправительственный, транснациональный, наднациональный, нормы и ценности, интересы, нормативная сила.

Эмпирические аспекты отношений России и Евросоюза исследованы хорошо. В то же время теоретическим аспектам уделяется не так много времени и места, особенно в отечественных работах [Романова, 2015]. В нынешней статье предлагается развитие концепции уровней анализа с последующим её использованием для исследования эволюции отношений России и Евросоюза и прогнозирования их будущего. Уровни анализа дают не только таксономическое удобство, но и позволяют по-новому проанализировать динамику связей, поставить новые исследовательские вопросы. В первой части статьи исследуется категория “уровни анализа”, а в последующих предлагаются структурный, тематический и институциональный подходы к уровням анализа. В каждом случае излагаются теоретические предпосылки,

---

© **Романова Татьяна Алексеевна** – к.полит.н., доцент Санкт-Петербургского государственного университета и Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. **Адрес:** 193060, Россия, Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3 (8-й подъезд). **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu
DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220173042>

суть уровней, а также те проблемы, которые можно изучить с их помощью в отношениях России и Евросоюза.

Уровни анализа в международных отношениях

М. Бунге точно подметил, что “уровни анализа ... кажутся наиболее полезными... поскольку ... дают средства реалистичной и объединенной категоризации частей материальной и культурной реальности” [Bunge, 1960: 406]. К социальным наукам наиболее применима трактовка уровней как слоёв реальности, характеризующих теми или иными связанными качествами. Критериев для выделения уровней два: внутренняя согласованность одних единиц и наличие у них характеристик, которые отличают их от другой группы единиц [Simon, 1952]. Полной автономии уровней в системе быть не может, она бы лишила уровни смысла, однако “взаимодействие внутри уровней будет значительно выше, нежели взаимодействие между уровнями” [Onuf, 1995: 40].

В теории международных отношений уровни анализа появляются в конце 1950-х годов. К. Уолтц в своей диссертации выявил три обоснования конфликтов: природа и действия человека, политика государства и влияние системы [Waltz, 1959]. Однако само понятие “уровни анализа” возникло с лёгкой руки Д. Сингера, который остановился на двух основных для международных отношений уровнях: государстве и мировой системе, микро- и макросоставляющих. Д. Сингер заявил, что исследователь всегда волен выбирать “цветок или сад, скалу или каменоломню, дерево или лес” [Singer, 1961: 77]. В одном случае взгляд будет детальным, в другом – системным. Следовательно, используя тот или иной фокус, мы можем исследовать различные аспекты одного и того же феномена. Однобокий же подход может исказить результаты (преувеличить роль индивида, государства или системы соответственно). Позднее К. Уолтц сравнил различные уровни анализа с макро- и микроэкономикой, разница между которыми в том, как “они приближаются к объекту исследования” [Waltz, 1979: 110].

В дальнейшем теоретики международных отношений спорили о количестве уровней анализа (добавляя уровни индивидов, бюрократии, регионов, наднациональных и глобальных институтов) и их относительной важности. Кроме того, было предложено сконцентрироваться на взаимосвязях между уровнями. Пристальное внимание привлекала мультипликация акторов, то, как транснациональные корпорации и международные неправительственные организации служат альтернативным каналом агрегации граждан, нарушают иерархичность ранее построенных схем. В результате возникают трансправительственный и транснациональный уровни.

Был поставлен и вопрос о разделении элементов анализа, целого и его частей (units of analysis), и уровней анализа, переменных (levels of analysis), т.е. онтологического и эпистемологического аспектов. В частности, А. Вендт отметил, что “проблема уровней анализа относится к определению уровня социальной агрегации, который даёт наибольшие основания для конструирования теорий, объясняющих поведение государств: [это могут быть] национальные государства, международная система ... внутренняя политика ... индивидуальная психология. Все эти варианты сохраняют тот же элемент анализа как зависимую переменную – внешнюю политику государств – и варьируют лишь вес, который предписывается независимым переменным на разных уровнях социальной агрегации” [Wendt, 1991: 387]. Эта эпистемологическая трактовка лежит и в основе выделения трёх подходов к уров-

ням анализа ниже. Её достоинства и в том, что она позволяет синтез нескольких объясняющих факторов [Ray, 2001: 355–356].

Структурный подход к выделению уровней анализа

Структурный подход к уровням анализа наиболее близок к классическому подходу к уровням анализа в теории международных отношений. Первая предпосылка к их выделению – специфика Евросоюза как международного актора, занимающего промежуточную нишу между международной организацией и государством. Страны–члены ЕС с момента образования Европейского экономического сообщества договорились вести согласованную внешнеэкономическую деятельность, использовать часть суверенных прав вместе. С 1970-х гг. они начали координировать и политические аспекты действия на международной арене, оставляя, однако, в этой сфере суверенитет на национальном уровне, сохраняя свободу действий. Динамика национального и наднационального в ЕС варьируется в зависимости от того, о какой сфере отношений идёт речь. В экономической сфере превалирует наднациональное, в политической – и сегодня сотрудничество идёт на основе уважения суверенитета, с доминированием консенсуса.

Распределение компетенций между национальным и наднациональным уровнями в ЕС эволюционировало с 1992 г., когда возникли отношения новой независимой России и формирующегося Европейского Союза. Всё больше экономических функций передавалось на наднациональный уровень. Усиливалось сотрудничество в политической области. Координация охватывала всё больше сфер. Практически все шаги согласовывались (что заставило даже говорить о брюсселизации сотрудничества во внешней политике, но не о коммунитаризации, т.е. передаче на наднациональный уровень). Был разработан принцип солидарности, т.е. принятие во внимание озабоченностей отдельных стран-членов всем Евросоюзом. Причём общими становятся именно проблемы и потенциальные угрозы для отдельных стран, а не достижения и успехи других. Развивалось и сотрудничество в области безопасности, как внешней, так и внутренней.

Россия остаётся наиболее конфликтным для Евросоюза партнёром. Традиционно принято выделять страны, дружественные России, тех, кто настроен критично, и, наконец, группу нейтральных к Москве государств. Группы эти относительно постоянны. Чем сильнее причины у той или иной группы для озабоченности, тем более сплоченным и солидарным будет Евросоюз. Не случайно принцип солидарности ЕС в отношении России С.В. Лавров охарактеризовал недавно как “наименьший знаменатель” и принесение интересов “в жертву русофобским спекуляциям” [Лавров, 2017].

Интересным трендом последних лет становится воспроизводство на российской стороне динамики национального и наднационального уровней в результате укрепления институтов Евразийского экономического союза (ЕАЭС), расширения сфер его ведения, увеличения участников. При этом объединение позиционирует себя как экономическое, не претендующее на координацию внешней политики, хотя пример ЕС доказывает, что изолировать одну сферу от другой невозможно. ЕС, однако, пока ЕАЭС не признаёт, официальный диалог Брюссель ведёт только с национальными столицами (хотя неофициально контакты между ЕС и ЕАЭС имеют место).

Структурные уровни анализа должны учитывать и процессы деволюции в Евросоюзе, возрастание роли регионов, а в России – распределение компетенций между

федеральным центром и регионами. Это особенно важно для трансграничного сотрудничества России и ЕС. Особенно региональный уровень выражен во взаимодействии России и ЕС в регионе Балтийского моря (т.н. Северное измерение). Это связано с приоритетами прежде всего Финляндии, стремящейся использовать свой опыт связей с Россией и географическое положение. Другая причина – комплекс новых угроз безопасности, который требует тесного взаимодействия между ЕС и Россией, делящих весьма протяжённую границу (это и экологические риски, и терроризм, и наркотрафик, и торговля людьми). Наконец, нельзя не отметить и особую роль Калининграда в отношениях России и Евросоюза. В современной ситуации напряжённости между Москвой и Брюсселем диалог на региональном уровне – одна из немногих функционирующих площадок, позволяющих сохранять сотрудничество и диалог.

Структурные уровни анализа также требуют учёта роли индивида. В отношениях России и ЕС это будет связано с тем, кто находится во главе отдельных стран-членов и институтов ЕС, каковы их личные взгляды на Россию, её руководство и политический режим, взаимодействие с Москвой. Как они концептуализируют различные события, ведя к их (де)секьюритизации. С российской стороны интерес могут представлять взгляды главы государства, правительства, министров, динамика их предпочтений в европейской и глобальной деятельности, в соотношении внешней и внутренней политики.

В контексте отношений России и Евросоюза необходимо упомянуть и международные организации, которые могут использоваться как арена для диалога и конфликтов. Их преимущество – равенство России и ЕС как членов, позволяющее нивелировать односторонность требований Брюсселя к Москве. В частности, Россия призывает активнее использовать Экономическую комиссию ООН по Европе. Вступление нашей страны в ВТО открыло путь для вовлечения этой организации в двухсторонние отношения и особенно торговые споры. На определённом этапе использовались и Энергетическая хартия и договор к ней.

Наконец, надо отметить уровень глобального порядка. Он связан прежде всего с позициями России в мире и вопросами безопасности. События 2014 г. на Украине и последующее нарастание конфликта вернуло в первые ряды жёсткую безопасность, в т.ч. в Европе. В этих вопросах Евросоюз и его страны-члены на современном этапе не были сильны, они полагались на США. Введённые санкции и политика Москвы по импортозамещению ведут к минимизации экономической взаимозависимости России и ЕС, к частичному сворачиванию человеческих контактов, а значит, и к перераспределению уровня диалога в пользу уровня глобального порядка. Действия администрации Д. Трампа, однако, могут повлечь уплотнение диалога Россия – ЕС.

Таким образом, говоря о структурных уровнях анализа, мы выделяем следующие уровни: личностный политического руководства, региональный, Россия – страны члены ЕС, Россия – ЕС, ЕС – Евразийский экономический союз, Россия и ЕС в международных организациях и в конечном счёте Россия – США.

Какие проблемы помогает исследовать структурный подход к уровням анализа? Во-первых, это анализ изменений отношений в связи с трансформацией политико-правовой природы Евросоюза (а ныне и Евразийского экономического союза), его стран-членов, динамики федерализма в России, а также предпочтений руководства обеих сторон.

Во-вторых, интересно проследить политику России в отношении Евросоюза и его стран-членов на предмет синхронности. Как представляется, до расширения ЕС

на восток в 2004 г. проблема не возникала. После возникает разочарование в ЕС и поиски положительного через диалог с крупнейшими и прагматичными членами Союза (Францией, Германией). Партнёрство ради модернизации стало примером синхронизации двух повесток [Романова, Павлова, 2013]. Однако ухудшение отношений, начавшееся в 2014 г., стимулировало новую десинхронизацию отношений России с ЕС на национальном и наднациональном уровне.

В-третьих, региональное сотрудничество может процветать, благодаря интенсивным отношениям на национальном и наднациональном уровне, а может компенсировать недостаток диалога на верхних уровнях (как это происходит сегодня), быть ареной для поиска конструктивных решений. Централизация в России и солидарность в ЕС выступают ограничителями этого сотрудничества.

В-четвертых, структурный подход к уровням анализа помогает проанализировать роль международных организаций в выстраивании отношений Москвы и Брюсселя. Удельный вес этого уровня трансформировался от вспомогательного в один из основных для практического, деполитизированного сотрудничества, особенно в современной ситуации дефицита прямых контактов.

Наконец, структурные уровни анализа позволяют проследить динамику влияния системных факторов, глобальной и региональной безопасности, США, на отношения России и ЕС. Здесь можно диагностировать повышение самостоятельного качества связей Москвы и Брюсселя в нынешнем веке и его постепенное падение с 2014 г.

Тематические уровни анализа отношений России и Евросоюза

Первой отправной точкой для определения тематических уровней анализа служат теории режима. Согласно классическому определению, режим – это “группа имплицитных и эксплицитных принципов, норм, правил и процедур принятия решения, вокруг которых сближаются предпочтения акторов” [Krasner, 1982: 186]. Они частично ограничивают свободу акторов, давая им взамен гарантии выживания, стабильность и “предсказуемость” [Stein, 1982: 311, Naas, 1980: 396]. Сегодня режимы создаются не только чтобы избежать угроз, но и для согласованного достижения общих ценностей и целей.

Определение режима не останавливается на процитированной нами выше фразе. С. Краснер далее уточняет: “Принципы – это вера в факты, причинно-следственные связи и прямота. Нормы – это стандарты поведения, определённые в терминах прав и обязанностей. Правила – это специфические рецепты и предписания действия. Процедуры принятия решений – это превалирующие практики создания и имплементации коллективного выбора” [Krasner, 1982: 186]. При этом принципы и нормы – это “базовые характеристики режимов”; правила и процедуры могут изменяться в рамках режима, а вот нормы и принципы – только с переходом от одного режима к другому [Krasner, 1982: 187]. С. Краснер, по сути, утверждает иерархию норм и целей. Р. Кеохейн также подчёркивал необходимость отделения международных режимов от более конкретных соглашений; при этом согласие относительно базовых целей, зафиксированное в нормах режима, представляет “канву для правил, норм, принципов и процедур переговоров” [Keohane, 1982: 337]. Э. Хаас отмечал: “Нормы говорят нам, почему государства сотрудничают; правила показывают, в чём субстанциально заключается сотрудничество; процедуры показывают, как будет реализовано сотрудничество” [Naas, 1980: 396]. Эта формулировка демонстрирует разные уровни конкретики целей сотрудничества – от базовых

вых (побуждающих к действию) до прикладных. Базовые цели определяют конкретное сотрудничество. Но последнее также сближает долгосрочные предпочтения участников режима. Таким образом, уровни взаимно влияют друг на друга.

Второй источник для определения тематических уровней анализа можно идентифицировать в теориях политических идей. Дискуссии о политических идеях всегда занимали политологов, но они активизировались с развитием конструктивизма. Прекрасно систематизировал эти дебаты Я. Мехта [Mehta, 2011], обозначив “три уровня обобщения: политические решения, определение проблемы и политические философии/дух времени (*zeitgeist*)” [Mehta, 2011: 1]. Публичную политическую философию он определил, как то, “как понимается цель правительства или публичной политики в свете групп представлений относительно общества и рынка”, а *zeitgeist* – как “совокупность широко разделяемых представлений, которые не критикуются в конкретный исторический момент” [Mehta, 2011: 1]. Определение проблемы Я. Мехта связывает с сутью, которую решает политика, с видением её в системе, а политическое решение – это наиболее конкретная мера, принимаемая в узкий момент времени. Рассуждая об уровнях обобщений политических идей, Я. Мехта отмечает, что как политическая философия и *zeitgeist* могут влиять на определение проблемы и вместе с последней – на политические решения, так и наоборот, политические решения нередко определяют проблемы и способствуют трансформации политической философии и *zeitgeist*. Таким образом, он также фиксирует связь уровней, их взаимное определение. В сходном ракурсе об уровнях политических идей рассуждает В. Шмидт, выделяя специальные политические идеи (наиболее прикладной уровень), “программные установки”, которые позволяют политическим акторам преобразовать картину мира в нечто прикладное, и “общественную философию”, т.е. “основообразующие предположения, редко изменяемые за исключением кризисных моментов” [Schmidt, 2008: 306].

В этой связи нельзя не остановиться на дилемме ценности – интересы в отношениях России и ЕС, старт которой дало исследование Я. Маннерса о нормативной силе Европы [Manners, 2002]. Согласно расхожему тезису, в отношениях России и ЕС Евросоюз исходит из ценностей, а Россия – из интересов. Однако в доказательстве этого тезиса часто присутствуют методологические ошибки. Во-первых, сравниваются идеи разного уровня. Во-вторых, игнорируется то, что Евросоюз чаще всего для продвижения своих идей использует нормативную риторику, тогда как Россия – когнитивную. Наконец, для анализа двух акторов используется разная методология [Павлова, Романова, 2014].

Третий источник для тематических уровней можно найти в теориях политической конвергенции. К. Беннетт, например, говорит, что конвергенция может проявляться в пяти аспектах: сближение целей регулирования, конкретных законодательных актов, институциональных механизмов для администрирования политики, результатов политики и политических стилей [Bennett, 1991: 218]. Д. Доловитц, описывая политическую конвергенцию, говорит, что она может касаться политик, институтов, идеологий (т.е. обоснования норм), идей (т.е. самых базовых положений) и негативных уроков (опыта, который стоит учесть) [Dolowitz, 1997]. Наиболее ярко тематические уровни прозвучали в исследовании П. Холла, где он говорит о “трёх переменных: всеобъемлющие цели, которые направляют политику в конкретной области, техники или политические инструменты, используемые для достижения цели, а также конкретное устройство этих инструментов” [Hall, 1993: 275]. В этом описании мы чётко читаем три субстанциональных уровня действий: от наиболее абстрактного, долгосрочного и целевого до конкретного. Развивая свою

мысль, П. Холл отмечает, что надо говорить о политических изменениях по аналогии с научными парадигмами Т. Куна и их сменами: изменения на уровне политических инструментов и их устройства лишь подправляют детали, а трансформации во всеобъемлющих целях аналогичны сдвигу парадигм Т. Куна.

Согласно П. Холлу, распространение концептуальных идей и их сближение (переход от одной парадигмы к другой) сложнее, нежели распространение конкретных политик и их инструментов. Однако К. Раделли, исследуя трансфер оценки регулятивного воздействия, демонстрирует, что идеи путешествуют легче, чем конкретные политики или их инструменты, поскольку последние требуют сложного изменения административных структур [Radaelli, 2005]. Он показывает, что принять аналогичные парадигмальные идеи на уровне политического дискурса и общих мер не означает сблизиться в имплементации.

Таким образом, теории режимов, концепции политических идей и политической конвергенции обосновывают существование нескольких уровней целей. Именно они и стали основой для выделения нами трёх тематических уровней анализа отношений России и Евросоюза. Во-первых, это концептуальные цели (например, базовые ценности сотрудничества, долгосрочные цели). Во-вторых, это цели конкретно-политические (например, формирование зоны свободной торговли, общего энергетического рынка, пространства внешней безопасности). В-третьих, это инструменты реализации конкретно-политических целей (либерализация торговли и энергетики, выработка политики относительно отдельных компонентов безопасности).

В отечественном изучении отношений России и ЕС присутствуют элементы тематических уровней, хотя и без теоретического их обоснования. Например, Д.А. Данилов, говоря о военно-политическом сотрудничестве, выделяет “а) наличие ясной и последовательной политической воли сторон; б) выработк[у] на этой основе общей стратегии ...; в) переход в рамках общей стратегии (партнёрства, интеграции) к совместным механизмам выработки и принятия решений” [Данилов, 2005: 36]. Аналогичные идеи высказывали О. Потемкина и Н. Кавешников, говоря об определении общих ценностей, постановке целей в политике и экономике, а также выработке инструментов и институтов [Потемкина, Кавешников, 2007].

Что даёт выделение тематических уровней для анализа отношений России и Евросоюза? Во-первых, они позволяют продемонстрировать, что часто Россия и Евросоюз говорят на разных уровнях, это затрудняет их взаимопонимание. Технические вопросы политизируются, ценностные аргументы подменяют конкретные цели в различных областях сотрудничества.

Во-вторых, тематические уровни анализа позволяют иначе взглянуть на проблему ценностей и интересов в отношениях России и ЕС. В реальности нельзя отделять нормативное от интересов [Finnemore and Sikkink, 1998]. В действиях и России, и Евросоюза можно проследить оба компонента. Например, наша страна действует на основе прагматизма, что является нормой; она также требует равенства. А в интересах Евросоюза продвигать либерализацию и гармонизацию со своим законодательством, поскольку это позволяет контролировать соседей и расширять рынок для своего бизнеса.

В-третьих, тематические уровни анализа демонстрируют, что на протяжении всей современной истории средний уровень отношений России и Евросоюза, т.е. уровень долгосрочных целей в конкретной сфере, был самым слабым. Цель формирования зоны свободной торговли оказалась сугубо декларативной, стороны даже не договорились о её сути. В энергетике конвергенция на среднем тематическом

уровне была достигнута условно риторически. В то же время, например, опыт Евросоюза свидетельствует, что ключевым для развития отношений является именно средний тематический уровень, он позволяет преодолевать разногласия в мерах имплементационного характера и одновременно содействует сближению в долгосрочном концептуальном видении.

В-четвертых, тематические уровни демонстрируют, что до 2014 г. в отсутствии разделяемых среднесрочных целей нарастало соперничество вокруг ценностей. В этой дискуссии Евросоюз настаивал на уважении Россией ценностей прав человека, демократии, верховенства закона, считая себя неким верховным судьей. Россия, в свою очередь, не ставя в риторике под вопрос эти ценности, настаивала на взаимном уважении и равенстве акторов на мировой арене.

Наконец, тематические уровни демонстрируют, как отсутствие чётких и разделяемых целей в той или иной области привело к политизации сотрудничества на микроуровне. Политизация заключается в обсуждении вопроса не на том уровне, к которому он принадлежит, а на более высоком, как правило, концептуальном. Другой формой политизации можно считать связывание параллельных вопросов, что особенно ярко проявилось в отношениях Москвы и Брюсселя по четырём пространствам. Усиливает политизацию ощущение, что сотрудничество асимметрично выгодно одному из партнёров, что также обусловлено отсутствием чётких разделяемых секторальных целей.

Институциональный подход к выделению уровней анализа

Третий подход к выделению уровней анализа институциональный. Их суть в том, что контакты не исчерпываются межгосударственным уровнем (т.е. саммитами, встречами высших должностных лиц), а развиваются также по трансправительственной и транснациональной линиям. Этот подход к уровням анализа также имеет развитую базу в теории международных отношений. Его основоположником нередко считают Н. Анджелла, который привлёк внимание к тому, что экономическая взаимозависимость сокращает возможности войны [Angell, 1910]. Однако ключевыми стали работы Р. Кеохейна и Дж. Найа, которые в 1970-е годы ввели в теорию международных отношений термин “транснациональный” для обозначения связей, не контролируемых центральными органами государства [Nye, Keohane, 1971]. Они подразумевают неиерархическое, сетевое взаимодействие участников [Powell, 1990], гибкость, быстроту в обмене информацией, важность социализации [Dolowitz, Marsh, 2000] и непрозрачность [Borzal, 1998, Slaughter, 2004].

В 1974 г. Р. Кеохейн и Дж. Найа разделили контакты на трансправительственные и транснациональные [Keohane, Nye, 1974]. Трансправительственный уровень – это “комплекс прямых связей между подразделениями различных правительств, которые не контролируются и не направляются непосредственно... основными должностными лицами этих государств” [Keohane, Nye, 1974, 43]. Речь идёт о том, что чиновники среднего и низкого уровней устанавливают контакты со своими иностранными коллегами и вместе продвигают некую повестку.

Делегирование ответственности вниз, отделение политики от администрирования, самостоятельность бюрократии способствуют трансправительственным контактам. Напротив централизация власти налагает ограничения, лишает их самостоятельности. Благоприятны для трансправительственного уровня также международные договорённости (с их дефицитом конкретики), глобализация и важность

правовой гармонизации в современном мире [Raustiala, 2002, Slaughter, 2004]. А.-М. Слотер даже ввела термин “десегрегированное государство”, т.е. фрагментированное по различным сферам, где служащие контактируют со своими коллегами за рубежом прежде всего [Slaughter, 2004: 31]. Трансправительственные сети выполняют три функции: обмен информацией (что способствует не только прозрачности, но и установлению доверия), гармонизация политик, а также (реже всего) принуждение к выполнению [Raustiala, 2002, Slaughter, 2004].

Транснациональное взаимодействие – результат роста влияния негосударственных акторов во второй половине XX века. Первым объектом изучения стал бизнес, прежде всего транснациональные корпорации. Нацеленные на максимизацию прибыли, они начинают вести хозяйственную деятельность друг с другом, создавая параллельные государственным контакты, минуя государственный контроль. При этом они могут влиять на фискальные доходы государств, на их социальную стабильность, заставляя менять национальное законодательство, ставя под вопрос суверенитет [Krasner, 1976, Strange 1988, 1996]. Чем плотнее взаимодействие бизнеса, тем выше давление на государства.

В 1980-е годы в дополнение к изучению роли бизнеса в транснационализации интенсифицируются исследования международных неправительственных организаций (НПО), “самоуправляемых, частных, некоммерческих организаций, роль которых – улучшение качества жизни” [Vakil, 1997]. Международные НПО выполняют следующие функции: предоставление информации, часто альтернативной официальной, экспертиза отдельных вопросов, определение повестки развития (вплоть до создания новых когнитивных рамок современной политики) и её продвижение на национальном и глобальном уровнях [Keck, Sikkink, 1999, Cowles, 2003]. Особое влияние НПО приобрели в вопросах прав человека, демократии и охране окружающей среды. Их, однако, традиционно упрекают за селективность повестки и недостаточную репрезентативность.

Наконец, третья транснациональная группа – это эпистемные сообщества, т.е. “сети профессионалов с признанной экспертизой и компетенцией в какой-то области и авторитетными претензиями на определение политически-релевантного знания” [Haas, 1992: 3]. Их значение многократно выросло в современном мире, поскольку “знания и информация стали важными измерениями силы” [Haas, 1992: 2]. Эпистемное сообщество связано общими убеждениями и ориентировано на продвижение своего видения, в т.ч. формируя новые когнитивные рамки. Поскольку независимость эпистемных сообществ – их базовый критерий, мы рассматриваем их как часть транснационального (а не трансправительственного) уровня.

Таким образом, транснациональный уровень состоит из бизнеса, неправительственных организаций и эпистемных сообществ. Определяющим для плотности транснациональных отношений становится внутриполитическое развитие. Государство определяет самостоятельность коммерческого сектора. Например, Евросоюз характеризуется как либеральная рыночная экономика, а современное положение в России можно описать как “государственный капитализм” [Bremmer, 2009]. Государство также определяет состояние некоммерческого сектора. Наиболее развит он в западных государствах. В России ситуация двойственна. С одной стороны, их деятельность началась давно [Алексеева, 2002], социально ориентированные организации поощряются. С другой стороны, НПО нередко воспринимаются в России как проводники подрывного влияния иностранных государств, вызывают подозре-

ния как “преследующи[е] при поддержке извне цели дестабилизации обстановки” [Путин, 2012].

Таким образом, в институциональном подходе выделяются межгосударственный/межправительственный, трансправительственный и транснациональный уровни анализа. В отечественной литературе они уже упоминались в той или иной степени [Бордачев, 2007, 2009, Стрежнева (ред.), 2010, Чихарев, Прохоренко, 2014], хотя и не формулировались чётко и не имели пока должного теоретического обоснования.

Трансправительственный и транснациональный уровни размывают границы между внутренней и внешней политикой. Плотность этих уровней показывает качество сотрудничества соответствующих акторов: чем теснее экономические и социальные связи, тем более развиты трансправительственные и транснациональные контакты. Они налагают ограничения на действия руководителей государств. Это связано как с рациональными соображениями (привлечение бизнеса, например), так и с распространением идей, постепенной социализацией граждан относительно друг друга. Взаимовлияние уровней проявляется в стадиях принятия решений, где транснациональный уровень формулирует запрос, межправительственный его легитимирует, а трансправительственный – облачает в конкретную форму. В то же время государства научились использовать транснациональный уровень (бизнес, НПО) в своих интересах. Слабый трансправительственный уровень ведёт к политизации принятия решений. В то же время транснациональные отношения могут оказывать разное влияние: бизнес и эпистемные сообщества настроены на прагматизацию и деполитизацию, а неправительственные организации – нередко на политизацию, поскольку она содействует продвижению их повестки.

Институциональные уровни анализа в отношениях России и Евросоюза позволяют нам исследовать несколько вопросов. Во-первых, их применение показывает, что стабилизация и деполитизация отношений России и ЕС развивалась до 2014 г. благодаря уплотнению сотрудничества на трансправительственном и транснациональном уровнях.

Во-вторых, институциональные уровни могут объяснить, почему события 2014 г. и последующие ограничительные меры столь быстро обрушили отношения России и ЕС на трансправительственном и транснациональном уровне. Последние оказались слабы по причинам внутривнутриполитического характера у обоих партнёров.

В-третьих, интересно, как официальные Москва и Брюссель ныне используют трансправительственные и транснациональные отношения. Брюссель жёстко ограничивает бизнес-контакты. Наша же страна создаёт барьеры для взаимодействия НПО.

Наконец, стабилизации и деполитизации отношений, восстановлению доверия содействуют именно трансправительственные и транснациональные отношения. Следовательно, их культивации надо уделять максимум внимания в среднесрочной перспективе.

Заключение

Статья систематизировала существующие исследования по проблеме уровней анализа и предложила их творческое осмысление и развитие (структурный, институциональный и тематический подходы). Их практическая польза была продемонстрирована с помощью тех вопросов в отношениях России и ЕС, изучение которых может продвинуть предложенная концепция.

Во всех трёх подходах уровни анализа понимаются как категория эпистемологическая: предлагается идти вглубь, а не разделять на части. Элементы не существуют отдельно, они составляют целое отношений России и ЕС.

Во всех трёх подходах верхние уровни определяют низшие. В то же время существует и обратная связь, изменение качества низшего уровня может содействовать трансформации качества верхнего уровня. Например, отказ от трансправительственного взаимодействия ведёт к меньшей устойчивости межправительственного диалога. Несогласие на низшем секторальном уровне может актуализировать ценностные дискуссии. Подвижки в соотношении между уровнями будут изменять и качество отношений России и Евросоюза.

Одна перспектива на уровни анализа не исключает другую, поскольку “[о]дин и тот же объект может прекрасно встраиваться в несколько уровней структур – особенно если коннотация “уровня” изменяется в каждом случае” [Bunge, 1960: 405]. При этом изменение в соотношении одних уровней ведёт и к трансформации взаимодействия других. Например, активный тематический диалог на мезо- и микроуровнях ведёт к плотному трансправительственному сотрудничеству. Появление уровня международных организаций в структурном подходе содействует уплотнению трансправительственного уровня. Повышение активности на транснациональном уровне повлечет изменения в повестке сотрудничества. Три подхода к уровням анализа дополняют друг друга, позволяя провести более глубокое исследование эволюции отношений России и ЕС и сделать качественный прогноз их дальнейшего развития.

Список литературы

- Алексеева Л.М. (2002) “Третий сектор” и власть // *Общественные науки и современность*. № 6.
- Бордачев Т.В. (2007) Пределы европеизации : Россия и Европейский Союз 1991–2007 теория и практика отношений. М.: ГУ ВШЭ.
- Данилов Д.А. (2005) Общее пространство внешней безопасности России и ЕС: амбиции и реальность // *Мировая экономика и международные отношения*. №2.
- Лавров С. (2017) Выступление и ответы на вопросы министра иностранных дел России С.В. Лаврова в ходе 53-й конференции по вопросам безопасности, Мюнхен, 18 февраля. Режим доступа: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2648249 (дата обращения: 20.02.2017).
- Павлова Е.Б., Романова Т.А. (2014) Идеиное соперничество или “треш-дискурс”? // *Россия в глобальной политике*. №3.
- Потемкина О.Ю., Кавешников Н.Ю. (2007) Россия и Европейский Союз: холодное лето 2007 года // *Современная Европа*. №3.
- Путин В.В. (2012) Россия и меняющийся мир // *Московские новости*, 27 февраля. Режим доступа: <http://www.mn.ru/politics/78738> (дата обращения: 22.02.2016).
- Романова Т., Павлова Е. (2013) Российская модернизация и Евросоюз // *Современная Европа*. №1.
- Романова Т.А. (2015) Исследования отношений России и Евросоюза в нашей стране и за рубежом (1992–2015 гг.) // *Современная Европа*. №5.
- Стрежнева М.В. (ред.) (2010) *Транснациональное политическое пространство: новые реалии международного развития*. М.: ИМЭМО РАН.
- Чихарев И.А., Прохоренко И.Л. (2014) Трансформации европейского политического пространства: измерения и направления // *Политическая наука*. № 2.

References

- Alekseeva L.M. (2002) “Tretii sector” i vlast' // *Obshhestvennyye nauki i sovremennost*. No. 6.
- Angell N. (1910) *The Great Illusion: A Study of the Relation of Military Power in Nations to their Economic and Social Advantage*. New York: G.P.Putnam's & Sons.

- Bennett C.J. (1991) What Is Policy Convergence and What Causes It? // *British Journal of Political Science*. Vol. 21. No. 2.
- Bordachev T. V. (2007) Predely evropeizatsii : Rossiya i Evropejskij Sojuz 1991–2007 teorija i praktika odnoshenij. M.: GU VSE.
- Börzel T. A. (1998) Organizing Babylon: on the different conceptions of policy networks // *Public Administration*. Vol. 76. No. 2.
- Bremmer I. (2010) *The End of the Free Market: Who Wins the War Between States and Corporations?* New York: Portfolio.
- Bunge M. (1960) Levels: A Semantical Preliminary // *The Review of Metaphysics*. Vol. 13. No. 3.
- Chiharev I.A., Prohorenko I.L. (2014) Transformacii evropejskogo politicheskogo prostranstva: izmerenija i napravlenija // *Politicheskaja nauka*. № 2.
- Cowles, M.G. (2003) Non-state actors and false dichotomies: reviewing IR/IPE approaches to European integration // *Journal of European Public Policy*. Vol. 10. No 1.
- Danilov D.A. (2005) Obshee prostranstvo vneshnej bezopasnosti Rossii i ES: ambicii i real'nost' // *Mirovaja ekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija*. No. 2.
- Dolowitz D. (1997) British Employment Policy in the 1980s: Learning from the American Experience // *Governance*. Vol. 10. No. 1.
- Dolowitz D.P., Marsh D. (2000) Learning from Abroad: The Role of Policy Transfer in Contemporary Policy-Making // *Governance: An International Journal of Policy and Administration*. Vol. 13. No. 1.
- Finnemore M., Sikkink K. (1998) International Norm Dynamics and Political Change // *International Organization*. Vol. 52. No. 4.
- Haas E.B. (1980) Why Collaborate? Issue-Linkage and International Regimes // *World Politics*. Vol. 32. No. 3.
- Haas P.M. (1992) Introduction: epistemic communities and international policy coordination // *International Organization*. Vol. 46. No.1.
- Haggard S., Simmons B.A. (1987) Theories of international regimes // *International Organization*. Vol. 41. No. 3.
- Hall P.A. (1993) Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. Vol. 25. No. 3.
- Hall P.A. (1993) Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // *Comparative Politics*. Vol. 25. No. 3.
- Keck M., Sikkink K. (1999) Transnational advocacy networks in international and regional politics // *International Social Science Journal*. Vol. 51. No 159.
- Keohane R.O. (1982) The demand for international regimes // *International Organization*. Vol. 36. No. 2.
- Keohane R.O., Nye J.S. (1974) Transgovernmental Relations and International Organizations // *World Politics*. Vol. 27. No. 1.
- Krasner S.D. (1976) State Power and the Structure of International Trade // *World Politics*. Vol. 28. No 3.
- Krasner S.D. (1982) Structural Causes and Regime Consequences // *International Organization*. Vol. 36. No.2.
- Lavrov S. (2017) Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannyh del Rossii S.V. Lavrova v hode 53-j Konferencii po voprosam bezopasnosti, Mjunhen, 18 fevralja. Accessed at: http://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2648249 (20.02.2017).
- Manners I. (2002) Normative Power Europe: A contradiction in terms // *Journal of Common Market Studies*. Vol. 20. No. 2.
- Mehta J. (2011) The Varied Roles of Ideas in Politics. From “Whether” to “How” // Béland, D., Cox, R.H. (ed.) *Ideas and Politics in Social Science Research*. Oxford: Oxford University Press (e-book).
- Nye J.S., Keohane R.O. (1971) Transnational Relations and World Politics: An Introduction // *International Organization*. Vol. 25. No 3.
- Onuf N. (1995) Levels // *European Journal of International Relations*. Vol. 1. No. 1.
- Pavlova E.B., Romanova T.A. (2014) Idejnoe sopernichestvo ili “tresh-diskurs”? // *Rossija v globalnoi politike*. No. 3.
- Potemkina O.U., Kaveshnikov N.U. (2007) Rossiya i Evropejskij sojuz: holodnoe leto 2007 goda // *Sovremennaja Evropa*. No. 3.
- Powell W. (1990) Neither Market Nor Hierarchy: Network Forms of Organization // L.L. Comings and B. Shaw (eds) *Research in Organizational Behavior*. Greenwich: JAI Press.

- Putin V.V. (2012) Rossija i menjajushhijsja mir // *Moskovskie novosti*, 27 fevralja. Accessed at: <http://www.mn.ru/politics/78738> (data obrashhenija: 22.02.2016).
- Radaelli C.M. (2005) Diffusion without convergence: how political context shapes the adoption of regulatory impact assessment // *Journal of European Public Policy*. Vol. 12. No. 5.
- Raustiala K. (2002) The Architecture of International Cooperation: Transgovernmental Networks and the Future of International Law // *Virginia Journal of International Law*. Vol. 43. No.1.
- Ray J.L. (2001) Integrating Levels of Analysis in World Politics // *Journal of Theoretical Politics*. Vol. 13. No. 4.
- Romanova T., Pavlova E. (2013) Rossijskaja modernizacija i Evrosojuz // *Sovremennaja Evropa*. №1.
- Romanova T.A. (2015) Issledovanija odnoshenij Rossii i Evrosojuza v nashej strane i za rubezhom (1992–2015 gg.) // *Sovremennaja Evropa*. №5.
- Schmidt V. (2008) Discursive Institutionalism: The Explanatory Power of Ideas and Discourse // *Annual Review of Political Science*. Vol. 11.
- Simon H.A. (1952) Comments on the Theory of Organizations // *The American Political Science Review*. Vol. 46. No. 4.
- Singer J.D. (1961) The Level of Analysis Problem in International Relations // *World Politics*. Vol. 14. No. 1.
- Slaughter A.-M. (2004) *A New World Order*. Princeton, NJ and Oxford: Princeton University Press.
- Stein A.A. (1982) Coordination and collaboration: regimes in an anarchic world // *International Organization*. Vol. 36. No. 2.
- Strange S. (1988) *States and Markets*. New York: Blackwell.
- Strange S. (1996) *The Retreat of the State: The Diffusion of Power in the World Economy*. New York: Cambridge University Press.
- Strezhneva M.V. (ed.) (2010) *Transnacional'noe politicheskoe prostranstvo: novye realii mezhdunarodnogo razvitija*. M.: IMEMO RAN.
- Vakil, A. C. (1997) Confronting the classification problem: Toward a taxonomy of NGOs // *World Development*. Vol. 25. No 12.
- Waltz K. (1979) *Theory of International Politics*. Reading, Mass.: Addison-Wesley.
- Waltz, K. (1959) *Man, the State, and War*. New York: Columbia University Press.
- Wendt A. (1991) Bridging the theory/metatheory gap in international relations // *Review of International Studies*. Vol. 17. No. 4.

LEVELS OF ANALYSIS AS AN INSTRUMENT TO ASSESS THE EVOLUTION OF EU-RUSSIAN RELATIONS

Author. Romanova T., Candidate of Political Science, associate professor, Saint Petersburg State University and National Research University Higher School of Economics. **Address:** 1/3 (entr. 8), Smolnogo St., S.-Peterburg, Russia, 193060. **E-mail:** t.romanova@spbu.ru, romanova@mail.sir.edu

Abstract. The article suggests a new approach for the study of EU-Russian relations, based on levels of analysis. Departing from the categories 'levels' and 'levels of analysis' in IR theory, the article formulates structural, thematic and institutional approaches to the evolution of relations between various actors. Structural approach identifies the levels of personality, region, state, integration entities (the EU or the Eurasian Economic Union) as well as that of international organizations or global order. Thematically three levels are identified: that of long-term conceptual goals and values, long-term goals in specific policy areas as well as the level of their implementation. Finally, institutional levels of analysis consist of interstate / intergovernmental, transgovernmental and transnational relations. For each of the three approaches to the levels of analysis the article describes theoretical roots, defines the levels and demonstrates the value, providing questions and problematic areas, which they help to examine.

Key words: levels of analysis, EU-Russian relations, institutions, transgovernmental, transnational, supranational, norms and values, interests, normative power.

DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope220173042>